

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-322-333

EDN: LEEEGT

Научная статья

«Озын шигырь» в современной татарской поэзии

Д.Ф. Загидуллина

Академия наук Республики Татарстан,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Баумана, 20

✉ zagik63@mail.ru

Аннотация. Рассматривается самая активная форма современной татарской поэзии — «озын шигырь». Отмечается, что данная форма не идентична «длинному стихотворению», она имеет восточные корни. В татарской литературе «озын шигырь» со своими уникальными тематико-эстетическими особенностями сформировался в 1920–1930-е гг. — в эпоху экспериментов по созданию «новой поэзии революционного времени». Выявленные особенности «озын шигырь» данного периода являются контекстным фоном для изучения функционирования данной формы в современной татарской поэзии. В центре внимания — творчество молодой поэтессы Лилии Гибадуллиной, автора трех стихотворных сборников. В ее творчестве «озын шигырь» занимает ведущее место, анализ ее наиболее известных современному татарскому читателю стихотворений позволяет определить структурные, образно-мотивные особенности, эстетические установки, художественные предпочтения формы. Так, в «озын шигырь» Л. Гибадуллиной главное место занимают экзистенциально-оценочные мотивы. Лирическая героиня разбирает события своей жизни, а повторяющиеся символы или символические образы превращают их в историю народа, страны, человечества вообще. Среди выявленных приемов важными являются мерцание мотивов и интертекстуальный диалог, при помощи которых создается множественность контекстов и смыслов. Таким образом, установлено, что «озын шигырь» в современной татарской поэзии имеет свои особенности, возникающие в диалоге с традициями татарской поэзии и делающие его форму отличной от «длинного стихотворения».

Ключевые слова: татарская поэзия, озын шигырь, мерцание мотивов, интертекстуальность, эвфония, психологический параллелизм, символ, Л. Гибадуллина

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. «Озын шигырь» в современной татарской поэзии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 322–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333>

© Загидуллина Д.Ф., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Ozyn shigyr” in Modern Tatar Poetry

Daniya F. Zagidullina

Tatarstan Academy of Sciences
20, Bauman St., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
✉ zagik63@mail.ru

Abstract. The article for the first time considers the most active form of modern Tatar poetry — “ozyn shigyr”. It is noted that this form is not identical to the “long poem”, it has oriental roots. In Tatar literature, “ozyn shigyr” with its unique thematic and aesthetic features was formed in the 1920s and 1930s in the era of experiments to create “new poetry of the revolutionary time”. The revealed features of the genre “ozyn shigyr” of this period are a contextual background for studying the functioning of this form in modern Tatar poetry. The focus is on the work of the young poet Lilia Gibadullina, the author of three poetry collections. In her work, “ozyn shigyr” occupies a leading place, the analysis of her most famous poems to the modern Tatar reader allows us to determine the structural, figurative and motivational features, aesthetic attitudes, artistic preferences of the genre. So, in “ozyn shigyr” by L. Gibadullina, the main place is occupied by existential-evaluative motives. The lyrical heroine analyzes the events of her life, and repeated symbols or symbolic images turn them into the history of the people, the country, humanity in general. Among the identified techniques, the flickering of motives and intertextual dialogue are important, with the help of which a multiplicity of contexts and meanings is created. Thus, it is established that the genre of “ozyn shigyr” in modern Tatar poetry has its own characteristics that arise in dialogue with the traditions of Tatar poetry and make its form different from the “long poem”.

Key words: Tatar poetry, ozyn shigyr, shimmering motifs, intertextuality, euphony, psychological parallelism, symbol, L. Gibadullina

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Zagidullina, D.F. 2023. “‘Ozyn shigyr’ in Modern Tatar Poetry”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 322–333. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-322-333>

Введение

Понятие «озын шигыр» (букв. длинное стихотворение) в литературоведении обозначает литературный жанр, включающий в себя стихотворения значительной длины. Необходимо отметить, что исследование таких стихотворений как самостоятельного жанра началось в англоязычном литературоведении. Пытаясь разделить поэму, длинное стихотворение и цикл стихов на материале англоязычной поэзии, исследовательница Линн Келлер уязвила его появление с началом XX в., с творчеством модернистов, отметив, что такая форма позволила включить в поэтический текст социологический,

исторический материал, став средством коллективного самовыражения. Хотя в ее работе «Расширяя границы жанра и пола: женские длинные стихи как формы расширения» [1] на самом деле идентификация жанра или формы не произошла, тем не менее представленные размышления вызвали интерес к явлению.

На сегодняшний день все еще не определены характеристики, позволяющие отнести «длинное стихотворение» к самостоятельному жанру. Одна только длина текста — формальная сторона произведения — не может являться основанием для идентификации жанра. Многие исследователи в качестве характерных черт «длинного стихотворения» называют более полное представление изображаемой картины и раскрытие темы, формирование глубокого смысла, многоголосье, вплоть до включения диалога, цитирования других форм искусства и т.д. Однако эти свойства присущи и другим жанрам этого плана: циклам стихов, поэмам, балладам.

По нашему мнению, любая жанровая форма в национальной литературе имеет свои особенности, связанные с поэтическими традициями, законами стихосложения, фонетическими или мировоззренческими особенностями и т.д. Поэтому относительно татарской поэзии мы склонны применять термин «озын шигырь». В тюрко-татарском фольклоре существуют созвучные термины «озын көй» и «озын жыр». Термины переводятся как «протяжная песня», которая является жанром татарского народного песенного искусства. Известно, что этот мелодический стиль встречается в музыкальном фольклоре практически всех тюркских и монгольских народов, поэтому его иногда называют формой степей. Впервые это явление было зафиксировано Н.Ф. Катановым в 1893 г. [2. С. 89]. По нашему мнению, традиции «елаусыктау» (музыкальная часть обряда прощания и поминовения умерших), а также «эйтеш» (импровизированное состязание двух акынов), ставшие основой формирования «озын көй», послужили катализатором для появления в татарской поэзии «озын шигырь». В пользу такого утверждения говорит и тот факт, что первыми «длинными стихотворениями» стали марсии¹ «Дамелла Шиһабеддин хэзрэтнең мәрсиясе» («Посвящение дамелле Шигабеддин хазрету», 1899) М. Акмуллы, марсии, вошедшие в сборник Г. Чоккрыя «Әгълам эл-һади» («Сведения о видных личностях», 1883) и т.д.

В конце XIX в. в татарской поэзии началась трансформация жанровой системы, которая привела в начале XX в. к смене канонических жанров неканоническими. Однако в это время в татарском литературоведении или критике еще не было термина «озын шигырь». Между тем страницы открывшихся на волне демократических перемен 1905 г. татарских газет и журналов заполнили образцы творчества молодых начинающих поэтов, многие из которых по количеству строк превосходили понятие стихотворения. Неумение

¹ Марсия — элегическое стихотворение, посвященное умершему.

обобщать, вынужденный уход в публицистику или в сюжет, попытка синтезировать просветительские идеи с новыми реалиями и т.д. — все это были явления «переходного периода» [3]. «Ученические» стихотворения «первопроходцев» М. Гафури «Өндәү» («Призыв», 1905), «Мәкъсуд» («Цель», 1907) и др.; Г. Тукая «...Тугды, көн тугар кеби...» («Родился, подобно дню...», 1904), «...Гөл бакчасында» («В саду знаний...», 1905), «Мужик йокысы» («Сон мужика», 1905), «Шигырь» («Стихотворение», 1905) и др., и пришедших вслед за ними на поэтическую арену С. Рамиева, Н. Думави, С. Сунчалая и других молодых поэтов свидетельствуют об этом.

Обсуждение

Становление формы «озын шигырь» в татарской поэзии в 1920–1930-е гг. было связано с модернистскими экспериментами татарских поэтов. Сборник стихов К. Наджми под названием «Өермәләр» («Вихри») [4] включает в себя множество образцов «озын шигырь»: «Чабатаңны кемгә тукыйсың?» («Кому плетешь ты лапти?»), 1922), «Кичү чоры» («Время перемен», 1924), «НЭП чорында Печән базары» («Сенной базар в период НЭПа», 1924) и мн. др.; они построены по единому принципу: хаотичная экспликация множества деталей внешнего мира воссоздает символический образ времени; страшные картины «старого города» сменяются не менее устрашающими картинами «сегодняшней» действительности: огненные отряды угнетенных стремятся разрушить все. В сборнике стихов А. Кутуя «Көннәр йөгәргәндә» («Когда бегут дни») [5] абсолютное большинство текстов («Көннәр йөгәргәндә» («Когда бегут дни»), «20-нче броневик» («20-й броневик»), «Сәрвәр-давыл» («Сарвар-ураган»), «Жан сатам» («Продаю душу»)) может быть обозначено как «озын шигырь». В стремлении выразить эмоции и мироощущения, «наивную философию» молодого «механического» поколения, сформировавшегося в годы революций, А. Кутуй обращает читателя к неоднозначным размышлениям о роли общественных преобразований, об их влиянии на сознание людей, обнажая и пародируя механизм формирования ущербной личности. Главной характеристикой «озын шигырь», по нашим наблюдениям, является наличие подтекста, и как результат, возможности прочесть текст по-разному [6. С. 130–141]. При этом ключом служат символы или символические образы, повторяющиеся в тексте.

В советский период эта традиция не исчезает, но совершенно неожиданно появляется в татарской прозе («озын хикәя»), способствуя формированию значительной по объему формы, находящийся между рассказом и повестью, но со своими идейно-формальными свойствами [7].

Следующее появление «озын шигырь» на поэтической арене происходит на фоне историко-культурных перемен рубежа XX–XXI вв.

В творчестве молодых поэтов (и не только) «озын шигырь» превращается в доминантную форму — оказывается важным элементом в развитии современной татарской поэзии. Появляются молодые татарские поэты, в творчестве которых «озын шигырь» становится визитной карточкой: Лилия Гибадуллина, Йолдыз Миннуллина, Рузаль Мухаметшин, Рамис Аймет и др. На Первом республиканском конкурсе по художественной литературе, проведенном Комиссией при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и развития татарского языка (2022 г.), в номинации «Поэзия» первое и второе место заняли «озын шигырь» Л. Гибадуллиной: «...Көн коела уйчан тәрэзлэргә...» («День осыпается в задумчивые окна»; объем — 70 строк) и «Кош юлы» («Дорога птиц», 40 строк). Этот факт также указывает на популярность и востребованность формы в современном художественном процессе.

Уже в первых сборниках стихов Л. Гибадуллиной² было заметно, что увеличение объема и расширение содержания текста происходит за счет «мерцания» мотивов, которые напрямую связаны с узнаваемыми образами и перекликаются с чужими предшествующими текстами. В ее творчестве поэтическая парадигма зачастую возникает в диалоге с татарской мифологией, фольклором, народной песней или с классической поэзией.

Иногда интертекстуальность охватывает и фольклор, и литературу. Например, стихотворение «Ак күбэләк» («Белая бабочка»), с одной стороны, воссоздает представления, известные из мусульманской мифологии: душа умерших возвращается в дом в виде белой бабочки. Однако в интерпретируемом стихотворении образ фигурирует в ином ключе: белая бабочка — детство лирической героини: «Шушы тәрэзлэрдән шушы дөнъялыкка / Ак күбэләк төсле балачагым бакты»³ («Из этих окон глядело на мир / Мое детство — белая бабочка»⁴). Ее грусть по дорожному сердцу дому («Мин сагынган йортның чаршаулары зәңгәр, / Зәңгәр бизәкләрдән көн агыла талгын» («В доме, по которому я скучаю, были голубые занавески / Из голубых узоров медленно уходил день»)) актуализирует еще один образ — лежащей на подоконнике белой бабочки с запятнанными крыльями, который повторяется в сильной позиции, в последних строках стихотворения, и указывает на интертекстуальную связь со стихотворением Зульфата «Кара күбэләк» («Черная бабочка», 1987):

Салкын тәрэз төбе. Сулган яран гөле.

Холодный подоконник. Зачахнувшая герань.

Канатлары таплы ак күбэләк ята⁵.

Лежит белая бабочка с запятнанными крыльями.

² *Гыйбадуллина Л.* Шигырьләр // Казан утлары. 2022. № 3. 3–7 б.

³ Там же. С. 5.

⁴ Здесь и далее подстрочный перевод наш (Д. З.).

⁵ *Гыйбадуллина Л.* Шигырьләр... С. 6.

Если уход дорогих сердцу людей — бабушки и дедушки — заставляет вспоминать детство, белую бабочку, то последняя интертекстуальная связь называет взрослую жизнь человека темной, «пачкающей» чистые детские души грязью земных забот. Однако красивая элегическая картина, воссозданная в первых строфах произведения, возвращает к началу стихотворения, меняя отношение читателя к прошлому. Детство, родной очаг, дом, любящие люди — вот главные ценности в жизни человека, которые сохраняют бабочку белой, хотя и с запятнанными крыльями. Поэтому память всегда возвращает лирического героя к окнам с геранью, вспоминаются дорогие сердцу люди... Так символ Бабочки, вступая в интертекстуальную связь с различными общеизвестными татарскому читателю источниками, наполняется новыми значениями. По сути, при помощи этого механизма «озын шигырь» позволяет воссоздать историю жизни отдельно взятого человека и историю человечества вообще.

Стихотворение «Кош юлы» («Дорога птиц») также начинается с описания картины утра:

Көн кагынып куйды.	День взмахнул крыльями,
Иңнәреннән	С его плеч
Ап-ак карлар очты, карлар очты.	Полетели белые снега, полетели снега.
Тыпырчынып куйды вакыт жиле	Ветер времени встрепенулся,
Һәм кыбырсып куйды канат очы.	Кончики крыльев дрогнули.
Офык арьягында таң тибенә,	На горизонте появляется заря,
Иңсәләргә иңә көн сулышы.	На плечи опускается дыхание дня.
Вакыт жилен жилпеп үтсен икән	Пусть крылья птицы в полете
Каурый-канатлары очар кошның! ⁶	Проходят сквозь ветра времени.

После такого своеобразного «вводного слова», где чувствуется интертекстуальная связь с образом «дня-птицы» Роб. Ахметзянова («Күгәрчен очып туймас көн» («Голуби не могут налетаться», 1962), «Өй түрөндә яфрак алкышлары» («Овации листьев у дома», 1962), «Кояшка, кояшка!» («К солнцу, к солнцу!»), 1960) и др.), воссоздается образ иной «птицы», в адрес которой звучит пожелание, чтобы она долетела в будущее, нашла там себе место:

Иңнәрендә — иртәгәсе көннәр,	На ее плечах — завтрашние дни,
Карашында — үткәннәрдән корым.	Во взгляде — копать прошлого.

Узнаваемая фраза «үткәннәрдән корым» («копать прошлого») активизирует социально-политический дискурс, указывая на человека с советским

⁶ Гыйбадуллина Л. Шигырьләр... С. 3.

прошлым, тонко намекая на такой же образ в творчестве Зульфата («Тамыр көллэре» («Пепел корней», 1978 и др.).

В следующей строфе появляется новое значение: «Бара кошлар / Дөнъя йөгөн тартып». Фраза «Дөнъя йөгөн тартып» может быть прочитана как «Тянут тяжесть бытия», «Тянут груз жизни», «Тянут ношу вселенной» и т.д.; она формирует параллелизм человек / птица. Углубляя мотив «тянущих груз жизни» людей, поэтесса задается вопросами: «Очар кошлар юлы күктәме соң?» («Путь птиц на небесах?»), «Очар кошлар юлы биектәме?» («Путь птиц в вышине?»). В каком-то смысле в этих вопросах чувствуется интертекстуальная связь с трактатом А. Навои «Лисан аттайир», в котором разъясняется свободолобивая природа литературного творчества. Как ответ на вопрос звучит вердикт:

Кош икәнән беркөн онытыр ул,
Тел очыннан китәр ирек тәме.

Однажды он забудет, что (он) птица,
Исчезнет вкус свободы с (его) языка.

Рассказывая о птице, которая под тяжестью каждодневных забот забыла вкус неба, простора и свободы, поэт упоминает крылья — которые иногда ноют; дороги — которые копотью покрыли крыльев; далекие небеса — манящие своими просторами. Последняя строфа возрождает надежду:

Мәгәр зыңлап тора дөнъя моңы,
Изрәп ята юллар — өмет тулы.
Кошлар юлы — фәкәт күк иркәндә.
Иңнәрәмдә
Көн кагынып куйды⁷.

Мир полон музыкой бытия,
Лежат дороги, полные надежд.
Путь птиц — зависит только от небес.
На моих плечах
Встрепенулся день.

Таким образом, стихотворение может быть прочитано и как текст, утверждающий вечное стремление людей к небесам, к свободе, к просторам. Оно акцентирует внимание на том, что только способные летать могут нести груз, ношу бытия. Последняя строфа указывает, что свой путь человек способен выбирать сам. Повторяющаяся в тексте лексема «моң» оставляет возможность прочитать этот образ и как путь литературного творчества.

Психологический параллелизм в «озын шигырь» становится приемом, позволяющим высказывать философскую оценку. Например,

⁷ Гыйбадуллина Л. Шигырьләр... С. 4.

в стихотворении «Жэйге яңгыр» («Летний дождь») воссоздается красивая детализированная картина после дождя, который омыл животворящей влагой и природу, и людей, живущих надеждой на урожай.

Күкрәүләре белән узып киткән	Прошел с грозами
Жиләк исле жэйге жылы явым	Летний теплый ливень с запахом земляники
Жир сыена сиңа, туфрақ — кәтә,	Земля прильнет к тебе, почва — ждет,
Яңгыр булып кайтуыңны тағын... ⁸	Когда ты вернешься теплым дождем...

В последней строфе вдруг появляется мотив «вечного возвращения» — желание человека и человечества вернуться «куда-то», чтобы начать жизнь с начала. Необходимо отметить, что этот мотив — наиболее репрезентативен в творчестве Л. Гибадуллиной. Фраза «Яңгыр булып кайтуыңны» («Твоего возвращения в виде дождя») чрезвычайно расширяет метафорическое поле дождя: каждый сам может создавать свой текст, используя данный образ. Для кого-то благодать — сильное плечо близкого человека; для сообщества — слово-идея умного соплеменника; для народа — деятельность его лидера и т.д. Стихотворение может быть прочитано как текст о художественном творчестве, об общественно-политической деятельности, в личностном или совершенно в ином ключе.

Необходимо подчеркнуть умелое использование такого приема, как эвфония: звуковой повтор задерживает внимание читателя на отдельных словах в поиске дополнительных значений и смыслов. Здесь это — «Жиләк исле жэйге жылы явым / Жир сыена сиңа...», эта фраза превращает образ летнего дождя в многозначный символ, в котором на передний план выходит его значение как хранителя Земли и всего живого.

Л. Гибадуллина мастерски использует практически все возможности аллитерационного стиха. Часто каждое слово в строке начинается с одного и того же звука. Иногда даже образы, запоминающиеся и удивляющие новизной взгляда, создаются из созвучных слов. Например, в элегическом стихотворении о прощании с детством «Яланаяк язлар китә бездән...» («Босоногие весны уходят от нас...») автор называет детство «яланаяк язлар».

Еще одно стихотворение «...Көн коела уйчан тәрәзләргә...» («День осыпается в задумчивые окна») построено в бинарных оппозициях «день-ночь», и выражает мотив преимущества. День — время созидания, зарождения жизни, традиций, песен, стремлений, любви, дружбы... Ночь — время испытаний, приостановления всего созидательного: «Төн каера сагыш казыкларың, / Төн аера янәш йолдызларың» («Ночь выламывает колышки тоски / Ночь

⁸ Гыйбадуллина Л. Шигырләр... С. 7.

разлучает рядом летящие звезды»). Но вместе с тем наступление ночи — неизбежность. Раздумья лирической героини связаны для нее с наступлением сумерек:

Казык йолдызларым кубып төшәр,
Тәрәзләрден китәр көн яктысы.
Сайгактарны, ишек янактарын,
Бишек бавын килә, их, саклайсы...
Сарыласы килә хәтер булып,
Тере булып, жылы сагыш булып.
Уянасы килә улларымның
Сулык-сулык йөрәгенә кунып.
Уеласы килә кызым чигәр
Сөлгеләрнең бизәк өлгесенә.⁹

Полярные звезды мои опрокинутся,
Дневной свет уйдет с моих окон.
Но хочется сохранить половицы,
Дверные косяки, веревку от колыбели.
Хочется прильнуть как память,
Как живая, теплая грусть.
Хочется проснуться, сев
На трепещущие сердечки моих сыновей.
Хочется вписаться в узор полотенца,
Которые будет вышивать моя дочь.

Детали «бишек бавы», «сөлгеләрнең бизәк өлгесе», «ишек янактары» указывают на образ жизни татар, который уже ушел в прошлое. Лирическая героиня стихотворения мечтает о сохранении традиций — национальных, о продолжении жизни — в сыновьях и дочерях, о созидательной жизни на земле. Последние строки еще раз подчеркивают, что день — жизнь — посвящен тому, чтобы преемственность не прервалась, чтобы дети смогли вырастить своих детей, чтобы нить памяти протянулась от прошлого — к будущему.

Хәтер жебен сузып кичәгемә,
Жылы сагыш салып кичләремә,
Корыч гамьнәр корып — кичәремә,
Көн ягыла тәрәз читләренә,
Көн ябыла бишек челтәрәнә...¹⁰

Протягивая нить памяти ко вчерашнему,
Окутав теплой грустью вечера,
Дав стальные заботы — жизни,
День прильнул к моим окнам,
День укутывается в кружево колыбели.

Так «день» превращается в символ, структурируя вокруг себя значение человеческой жизни, национальных традиций, созидательного бытия. Поэт утверждает: смысл жизни — в сохранении преемственности, в сохранении самой жизни на земле. Поиск светлого в темноте ограниченности жизни приводит к осознанию этого закона. Мерцает совершенно иной мотив — любви к детям, к традициям своего народа, который придает тексту таинственность. И это мерцание поддерживается многочисленными повторами.

⁹ Гыйбадуллина Л. Шигырләр... С. 5.

¹⁰ Там же. С. 5.

В отдельных текстах именно «поэтическая парадигма» — интертекстуальная связь с национальной культурой — создает неожиданное мерцание мотивов. Показательно в этом плане стихотворение «Мең чыбыркы ысылдавы жилдә...» («В ветре слышен свист тысяч кнутов...»). Доминирующим содержанием является оценка истории татар, которая, согласно идее автора, находится в состоянии руин, не превратившись в память. Вот первая строфа:

Мең чыбыркы ысылдавы жилдә	В стране, где руины стали памятниками,
Хәрабәләр һәйкәл булган илдә.	В ветре слышен свист тысяч кнутов.
Таң атышлы гына кояш бата...	Солнце садится, пережив зарю...
Сибелә генә чәчәк, сибелә жилгә... ¹¹	Цветок осыпается, осыпается на ветру.

Образ «сибелә чәчәк» (осыпается цветок) указывает на народную песню «Сибелә чәчәк», в которой выражается ностальгия по родине, по любимой. Этот образ придает тексту философский и этнонациональный оттенок: история татарского народа становится предметом печали.

Во второй строфе образ «наклонившегося минарета в оставшихся от предков городах» («Бабалардан калган калаларда / Дөнъя авыш микән, манарамы?...»), указывая и на Казань, и на Болгар, вызывает критическую оценку сегодняшней действительности. Но в ней имеется еще один образ: «Көл өстенә гөлләр сибү фалы» («Обряд посыпания золы цветами»), напоминающий татарскую поговорку и связанный с цикличностью, вечным возрождением, верой в птицу феникс. В связке с четвертой строкой он получает отрицательное значение, формируя авторскую иронию, отрицающую надежду на возрождение былого величия. В третьей и четвертой строфах указывается и на причины подобного неверия: память народа спит, не просыпается, находится в бессознательном состоянии. Еще два образа: «аягүрә төш күрү» (поговорка, дословно: спать на ходу) и «Заман эле зарсыз, аңсыз гына / Биле сынык туган таен сата...» («Время пока безропотно, бессознательно / Продает родившегося со сломанным хребтом жеребенка»; перифраз поговорки «сломать хребет неродившегося жеребенка») — также выполняют смыслообразующую функцию.

Заключение

Таким образом, поэтическое творчество молодой поэтессы Лилии Гибадуллиной развивает форму «озын шигырь». Многомерная игра с контекстами превращает ее тексты в сложные произведения, в которых встречается множество мерцающих мотивов. Их расшифровка зависит от уровня

¹¹ *Гыйбадуллина Л.Ф.* Тынлык кайтавазы: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. С. 31.

подготовленности читателя. Тем не менее сами тексты завораживают именно этим мерцанием, таинственностью, доминирующей смысл иногда ускользает, переходит на уровень межтекстовых связей. Аллитеративность, умелая игра с узнаваемыми образами-символами, даже фразами, философичность текстов, иносказательность являются не только основной особенностью творчества молодой поэтессы, но и собственно жанра «озын шигырь» в творчестве других поэтов.

Стремление к детализации, в том числе через интертекстуальные связи, обеспечивает множественность смыслов. Форма «озын шигырь» превращает тексты в истории людей, народов, человечества. Творчество поэтессы сопротивляется легкому прочтению, требует особой рецепции и отличается свободой экспериментирования.

Список литературы

1. *Keller Lynn* Forms of Expansion: Recent Long Poems by Women. Chicago: University of Chicago Press, 1997. Pp. 384.
2. *Сайдашева З.Н.* «Озын кӧй» татар-мишарей (особенности стиля) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: итоги и перспективы: материалы юбилейной конференции. Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова. 1999. С. 88–92.
3. Татар шигърияте: XX гасыр башы [Татарская поэзия: начало XX века] / Төз. Зөфәр Рәмиев. Казан: Мәгариф, 2004.
4. *Нәжми К.* Өермәләр [Вихри]. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925.
5. *Кутуй Г.* Көннәр йөгәргәндә: шигырьләр [Когда дни бегут: стихи]. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925.
6. *Загидуллина Д.Ф.* Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2013.
7. *Аминева В.Р.* Хикая как литературный жанр (на материале произведений А. Еники 1940–1960-х годов) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. Т. 159. С. 7–25.

References

1. Keller, Lynn. 1997. Forms of Expansion: Recent Long Poems by Women. Chicago: University of Chicago Press. (In English)
2. Saidasheva, Z.N. 1999. “Ozyn koy” of Tatar-Mishars (features of style). In Musical Science of the Middle Volga Region: Results and Prospects Proceedings. Kazan: Kazanskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) im. N.G. Zhiganova publ. Print. Pp. 88–92. (In Russ.).
3. Rämiev, Z., eds. 2004. Tatar shig’riyate: XX gasyr bashy [Tatar poetry: the beginning of the twentieth century]. Compiled by Zufar Ramiev. Kazan: Mëgarif publ. Print. (In Tatar)
4. Nëjmi, K. 1925. Öermälär [Whirlwinds]. Kazan: Tatarstan matbugat һәм nëshriyat kombinaty publ. Print. (In Tatar)
5. Kutui, G. 1925. Kënnär iөгәргәндә: shigyr’lär [When the days flee: poems]. Kazan: Tatarstan matbugat һәм nëshriyat kombinaty publ. Print. (In Tatar)

6. Zagidullina, D.F. 2013. *Modernism in Tatar Literature in the First Third of the 20th Century*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.).
7. Amineva, V.R. 2017. "Hikaya as a Literary Genre (based on A. Eniki's Literary Works of the 1940s–1960s)". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 159: 7–25. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, профессор Академии наук Республики Татарстан. E-mail: zagik63@mail.ru

Bio Note:

Daniya F. Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor of Tatarstan Academy of Sciences. E-mail: zagik63@mail.ru